

Литературно-олимпиадная смена в «Сириусе»

Пробный аналитический тур

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений – прозаического или поэтического.

Нина Дашевская

Дом над морем

Дом стоял высоко над морем. Спиной прилепился к скале, как ласточкино гнездо; а окнами смотрел на море. Море, море, до самого горизонта. Такое спокойное там, вдалеке. А здесь, внизу, оно сердито набрасывалось на скалы, кипело, будто злилось на всех. И особенно на этот маленький домик, забравшийся так высоко. Совсем рядом, в трёх километрах вниз по старой дороге есть город. Там, на пляже, море бывает спокойным, как горное озеро. А здесь, под скалой, всегда злится.

У открытого окна старик варил кофе в большой железной кружке. Мальчик стоял рядом и смотрел, как поднимается пена, и как старик разливает кофе по глиняным чашкам. Чашки когда-то подарил старику взрослый уже внук, сказал — вот, дед, будешь гостей угощать. Старик тогда удивился — какие у него могут быть гости. Но вот, приехали. Старик взял две чашки, кивнул на третью:

— Неси на веранду.

Мальчик не понял слов, но догадался. Понёс осторожно, жгло пальцы, но старался не показать. Надо же, какие нежные у него руки, как у девочки. Что в голове — не поймешь. Не выпускает из рук модную игрушку, телефон. Фотографирует, щёлкает кнопками — куда ему столько фотографий? Старик сначала пытался развлечь его, расшевелить. Показал коробку с инструментами. Мальчик вежливо посмотрел и отложил — не умеет, не интересно. Старик снял со стены ружьё. Мальчик кивнул, но даже не взял в руки. А старик многое бы отдал в его возрасте, чтобы поддержать такое!

Станный, странный мальчик, другой. Говорит на чужом языке. Светлые, совсем белые волосы, серые глаза — никогда в семье не было таких. А ведь сын Анны, внучки. Выходит, правнук. Анна и сама родилась в другой стране, а потом уехала ещё дальше, на самый край света. Старик и не знал раньше, что есть такая земля. Там и родился мальчик. Чужой язык, чужое, непонятное имя. И только если написать его — становится видно, что мальчика назвали в честь него, прадеда. Пишется похоже. Видеть видно, а слышать не слышно, такие странные эти буквы. Латинские, такие же, как на крышке старого пианино. Да, немецкое пианино, вон стоит в углу, как инопланетянин.

Старик вспомнил, как инструмент везли сюда на грузовике, по дикой горной дороге. Сразу после войны. Потом дочь училась, играла. Но она уехала, давно, давно, и пианино молчит. Тихо в доме, только море шумит днем и ночью, злится на кого-то.

— Что ты не пьешь? — тихонько спросила Анна. Почему-то она стеснялась здесь говорить громко.

— Я пью, — ответил мальчик, — просто горячий.

Он никогда не любил вкус кофе, но неловко было отказаться. К тому же, ему нравится запах. Здесь, в горах, он смешивается с горьким ароматом диких трав и солёным ветром. Совсем не то, что в городе, среди пыльного асфальта и шума машин. Тут запах кофе был чем-то естественным. Так же, как силуэт старого монастыря не нарушал линии гор. Мальчик отхлебнул из чашки и сморщился — обжётся, не привык к такому.

Старик смотрел на море, а думал о мальчике. Чем он живет, что в его голове?

Вдруг правнук заговорил, быстро, непонятно.

— Он спрашивает, — перевела Анна, — оно здесь всегда такое? Море. Злится как будто.

Старик кивнул. Да, это странно, что здесь так. Кажется, когда-то раньше... Раньше, очень давно, море было другим. А может, другим был сам старик. Он не помнит, забыл.

Утром Анна с мальчиком спускалась вниз, в город. Там можно подойти к воде, искупаться, или просто ходить босиком по самому краешку моря. Старик не пошёл с ними, он терпеть не может этой пляжной суеты. Спускается в город только ближе к зиме, когда закончится сезон.

— Там море тихое. А здесь нет, — повторил мальчик. — Почему?

— Есть легенда, — ответил старик. — Раньше море любило поговорить. Но сейчас все забыли его язык, никто не понимает. Только старые камни там, на горе, — старик кивнул головой на монастырь. — Им тысяча лет, они помнят. Но молчат, не отвечают. И море тоскует. Тоскует и злится, пытается докричаться до них, рассказать. Ну, это сказка, — добавляет он вдруг смущённо.

— Красивая сказка, — сказала Анна. Она тихонько переводит легенду мальчику, и он сосредоточенно кивает головой.

* * *

Солнце склоняется к горизонту.

Мальчик выложил из кармана камешки, расставил на перилах веранды и щёлкает по одному. Вниз, в море. Камень летит в заросли, не видно, долетает он до воды, или нет. Но может быть да. Закат в полнеба, горит огнем.

Анна вдруг спрашивает у деда:

— А пианино? Кажется, у тебя было пианино. Оно сохранилось?

— Куда ж ему деваться, — пожимает плечами старик. — Не живое же, не сбежит.

— Знаешь, а ведь Джордж играет. Хорошо играет, его учитель говорит — он очень способный. Можно, попробует?

— Так расстроенное же, совсем. Сорок лет никто не открывал. Хотя, если он хочет, что ж... Пусть поиграет.

Старик, не дожидаясь, пока Анна переведет его слова, берёт мальчика за руку, уводит в дом. Вот оно, пианино. Чёрное, большое. Старик уже привык не замечать его. Стоит и стоит.

Джордж открыл крышку, нажал клавишу. Пианино отозвалось хрипло, одна нота расщепилась на два голоса. Он не смутился, пробежал легкими пальцами по клавиатуре. Конечно, ужасно расстроено, но все струны целы. И даже угадывается какой-то звукоряд, похоже на гамму. Удивительно, в таком климате, на море... Немецкая механика, отличная работа.

Старику вдруг стало обидно. Ведь это его пианино. А играть он не умеет. Два инопланетянина, пианино и мальчик. Говорят на одном языке, которого он, старик, не понимает.

Джордж, наконец, перестал проверять, какие клавиши звучат звонче, а какие глуше; какие расстроены так, что не похожи сами на себя, а какие еще держатся. И он заиграл. По-настоящему.

Вот, оказывается, что он умеет, этот Джордж.

А потом что-то произошло. Старик сначала не понял, что не так. Ему показалось, что он оглох. И тут Анна сказала:

— Смотри-ка. Море стихло.

Старик не сразу понял смысл её слов. Да, точно — привычный гул, который был у него в ушах всю жизнь, утих. Море плескалось тихонько, как ручеек в самом начале пути.

— Поиграй еще, Георгий, — попросил старик. Сам не понял, почему назвал мальчика по-другому, своим именем. — Поиграй. Поговори с ним.

* * *

Внизу, в городе, по пустынному пляжу шли двое.

— Послушай, — сказала вдруг она. — Остановись и послушай. Будто пианино играет. Там, на горе. Слышишь?

— Что ты, — засмеялся он, — откуда здесь пианино! Это телевизор, или радио работает где-то. Тебе показалось.

— Нет, не радио... Пианино, живое, я слышу. И море какое тихое сегодня, смотри...

2018

Владимир Соколов

Ночевала тучка...

М. Лермонтов

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Бери перо любое наугад.

Большие дети неба и земли,
Здесь ночевали, спали журавли.

Остался пух. Остались перья те,
Что на земле видны и в темноте,

Да этот пруд в заброшенном саду,
Что лишь у птиц и неба на виду.

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад,
Возьму перо любое наугад.

И напишу о маленьких синицах
И о больших взметающихся птицах.

И напишу, что сад синицу в руки
Взял, с журавлями белыми в разлуке.

Листвой сухой, седой, расхлопотался.
Красавицей своей залюбовался.

Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
И пруд, и вся прорешливість оград.

Он не шепнет, как кто-то там и сям,
Что журавли завидуют гусям.

Он знает сам, что каплями зари
В нем замелькают скоро снегири,

Что в ноябре в нем хрупко и светло,
От перистого инея светло...

1965